

Искусство между Сциллой и Харибдой

УДК 7.01

АННОТАЦИЯ

Такое образное название получило заседание Дискуссионного клуба «Парадоксы современной художественной культуры», организованное кафедрой эстетики, истории и теории культуры ВГИКа совместно с группой постнеклассической эстетики Института философии РАН. Оно было посвящено обсуждению фундаментальной книги В.В. Быčkova, Н.Б. Маньковской, В.В. Иванова «Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства» (М.: Прогресс-Традиция, 2012. — 840 с., илл.). Участники были единодушны в том, что «Триалог» можно по праву назвать энциклопедией современной художественной культуры.

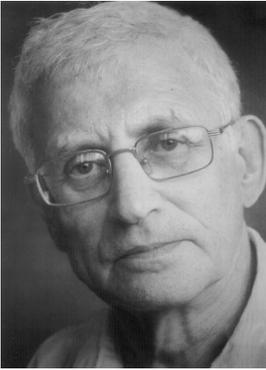
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постнеклассическая эстетика, философский диалог, современная художественная культура, современное искусство, виртуалистика

Выход книги «Триалог. Живая эстетика и современная философия искусства» стал заметным событием в отечественной интеллектуальной жизни, поэтому было вполне закономерным то, что ее обсуждение привлекло во ВГИК ученых из разных научных организаций. Помимо представителей профессорско-преподавательского состава, сотрудников лабораторий, аспирантов и студентов ВГИКа, на заседании присутствовали сами авторы книги, руководители издательства «Прогресс-Традиция», сотрудники Института философии РАН, Московской государственной юридической академии и Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Председатель Дискуссионного клуба, доктор философских наук, профессор **А.В. Новиков** начал разговор:

Обсуждаемая сегодня книга представляет собой уникальный и увлекательный многосерийный интеллектуальный проект. Говорить о нем на кинематографическом языке вполне уместно, так как многие страницы книги не только посвящены визуальным искусствам, но и сами написаны столь пластично, что порой представляют собой своеобразные мини-сценарии. Это особен-

А.В. Новиков,
председатель
Дискуссионного
клуба, доктор
философских наук,
профессор

но относится к полемике между В.В. Бычковым и Н.Б. Маньковской о *post*-культуре, актуальных тенденциях в развитии искусства, не говоря уже об ироничных философских «пьесах», принадлежащих перу В.В. Иванова. И все это при том, что книга посвящена крайне серьезным, фундаментальным проблемам современной художественной культуры, искусства и эстетики, еще не нашедшим достаточного освещения в научной литературе. Главная тема, обсуждаемая авторами, связана с сущностью современной философии искусства, начиная с вопроса о возможности такой философии сегодня. Основное внимание уделено проблемам взаимодействия классики, нонклассики и постнеклассического

эстетического сознания. В этом ракурсе обсуждаются принципиальные для современной культурной ситуации вопросы о границах искусства, соотношении искусства и неискусства, художественной избыточности и минимализме, основных тенденциях перехода от нонклассики к постнонклассике и первых признаках последней, синтезирующей художественные достижения классического и неклассического искусства.

Другой проблемный узел связан с метафизикой искусства, соотношением эстетического и религиозно-мистического опыта; «расширением сознания» в художественном опыте; герметизмом, эзотерикой и герменевтикой искусства.

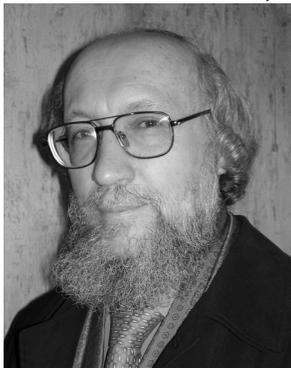
Значительный пласт исследования посвящен теоретическим (но основанным на личном опыте каждого из участников) проблемам эстетического восприятия, в том числе и новейших арт-практик. Выделены и проанализированы фазы эстетической рецепции, вплоть до полного «погружения» в искусство, описаны стадии эстетического удовольствия и наслаждения.

Особенно интересным показался мне спор о кино и посткино, свидетельствующий об эрудиции авторов, их вкусах и страстях. Он начинается в связи с «Чемоданами Тульса Люпера» Питера Гринуэя и продолжается по поводу монументальных мультимедийных кинопроектов Мэтью Барни «Кремастер» и «Преодолевая границы».

Исследование прекрасно проиллюстрировано примерами анализа новейших произведений живописи, театра, кино, литературы. Книга, написанная на самом современном уровне в формате академической научной дискуссии, ведущейся в форме переписки между тремя ведущими специалистами в сфере эстетики, великолепно издана, привлекает множеством (более 400) со вкусом подобранных иллюстраций. В настоящее время

в отечественной гуманитаристике аналогов у нее нет. «Триалог» будит мысль, стимулирует научные исследования в области художественной культуры. С удовольствием передаю слово присутствующим здесь авторам, профессорам В.В. Бычкову и Н.Б. Маньковской. Так кто же из вас Сцилла, а кто Харибда?

Первым взял слов доктор философских наук, руководитель группы постнеклассической эстетики и главный научный сотрудник Института философии РАН профессор В.В. Бычков. Он поблагодарил руководство клуба за предоставленную возможность обсудить книгу в кругу специалистов и выразил благодарность издателям за неформальный, внимательный и заинтересованный подход к изданию этой сложной в полиграфическом отношении книги, художнику И.В. Орловой — за прекрасный дизайн.

В.В. Бычков

В.В. Бычков: Образное именование темы сегодняшнего разговора: Искусство между Сциллой и Харибдой — имеет прямое отношение к главной смысловой линии книги, которую мы сегодня обсуждаем. Понятно, что эта метафора выражает мысль о катастрофическом положении современного искусства, формально претендующего еще на статус «высокого», но давно утратившего его, а не имеет в виду какие-то конкретные чудовища, которые уничтожили высокое Искусство. Однако если кто-то любит конкретизацию и желает знать имена этих чудищ, то это тоже не секрет. Я имею в виду два явления, с особой очевидно-

стью претендующие на имена мифологических монстров: взрывоподобный скачок научно-технического прогресса (НТП) в XX веке, т.е. современную техногенную цивилизацию во многих ее проявлениях, и массовую коммерциализированную культуру. На мой взгляд, они и уничтожили высокое Искусство и Культуру в целом. Однако обратимся к самой книге, где эта тема всесторонне обсуждается.

Книга возникла как результат проверки одной научной гипотезы, которая сформировалась у меня очень давно в процессе внимательного и беспристрастного изучения искусства XX века, в основном изобразительно-визуального, в контексте мировой художественной Культуры (с прописной буквы!). Для ее проверки у меня на протяжении последних двух-трех десятилетий сложился особый, лично мой метод даже не анализа, а глубинного медитативно-созерцательного проникновения в художественные феномены, которое завершалось неким текстом. Совокупность этих текстов я впоследствии обозначил как по-

стадекации — своего рода специфический вербальный экфрасис произведения искусства, группы произведений, творчества художника или даже целого направления. Практикуя этот опыт, я ставил перед собой и более глобальную задачу. Мне представлялось, что с его помощью можно выявить некий *метафизический смысл* всего искусства XX века, столь непохожего в высших своих проявлениях ни на что в истории искусства с древнейших времен до конца XIX века. Постепенно складывалось какое-то особое многоуровневое и полисемантическое текстовое пространство, в котором неплохо уживались тексты самого разного типа — полупоэтические, полуюэсеистские, просто поэтические, иногда чисто абсурдные, «заумные». Сюда логично вписались и небольшие отрывки дневниковых записей, строки из записных книжек. Так в течение полутора десятилетий на рубеже тысячелетий сложился «Художественный Апокалипсис Культуры». Вот эта книга (автор показывает два увесистых тома). Завершена она была в первые годы нашего столетия, а увидела свет только в 2008 году. Уже из названия книги понятно, что гипотеза моя с помощью этого метода лично для меня полностью подтвердилась, хотя отнюдь не прямолинейно, однозначно и одномерно. Сформулирую ее, чтобы не испытывать далее ваше терпение.

Искусство XX века — имеется в виду, конечно, высокое Искусство, *высокохудожественное* искусство и его трансформации на протяжении столетия — это громкий вопль, крик, иногда — гармонические рыдания о глобальном сломе, даже невиданной катастрофе в культуре, а, вполне вероятно, и в жизни человеческой. Это — мощный и страшный реквием по высокой Культуре, Культуре с прописной буквы, существовавшей с древнейших времен и завершившейся примерно к середине XX века. Сейчас мы живем уже давно в состоянии переходного (неизвестно к чему) периода *пост-культуры*.

Культура (а внутри нее и Искусство) с прописной буквы, т.е. высокая Культура — это культура, возникшая и всегда существовавшая в человеческом обществе, жившем *в пространстве веры* в объективное бытие Великого Другого, более разумной и высокой, чем человек, духовной силы (богов, духов, Бога, Абсолюта и т.п.), состоящей с ним в постоянном духовном контакте. Вся известная нам Культура, включая высокое Искусство всех времен и народов, возникла, формировалась и активно функционировала в духовно-энергетическом *поле веры* в Великое Другое. Имеется в виду *духовная культура*, ориентированная исключительно на духовно-нравственное обогащение и возрастание человека, его совершенствование, его возвышение и возведение — анагоги-

ческая (от греческого *anagoge* — возведение) культура, каковой всегда и являлась собственно Культура, а внутри нее высокое Искусство. К сущности Культуры относится ориентация на метафизическую реальность и формирование, актуализация, сохранение и распространение в обществе жизненно необходимых человеку ценностей: Истины, Добра, Красоты, Святости, Любви. Главной характеристикой и сущностной основой Искусства всегда была его *художественность*, высокое эстетическое качество, с помощью которого Искусство во все времена своего исторического бытия выражало и несло анагогический потенциал Культуры, его главную гуманитарную миссию.

Начавшийся примерно в XVI веке в европейско-средиземноморском ареале процесс секуляризации культуры и взрывоподобный скачок НТП в последние столетия привели к тому, что к середине XX века креативно-активная, творческая часть человечества, его главный двигатель, отказалась от ВЕРЫ в Великое Другое. В культуре начался удивительный и невиданный еще в ее истории процесс, длящийся и по сей день. Исчез один из полюсов креативного энергетического поля Культуры, а с ним, естественно, и само поле. Возникла ситуация *пост-культуры* — культурно-цивилизационного процесса, который формируется в совершенно новых, никогда не существовавших в истории человечества условиях — с ориентацией только и исключительно на один полюс — на человека и *веру* в его безграничные творческие возможности. Возникает своеобразный симулякр культуры, некая культура без Культуры, без своего духовного центра, чего еще никогда не было в истории человечества. Образно и условно говоря, если Культура возникла и всегда держалась на двух столпах — Искусстве и Религии, то теперь один из этих столпов практически исчез, Культура рухнула, похоронив под своими руинами и столп Искусства.

Высокое Искусство крайне болезненно отреагировало на эту ситуацию. Авангард первых десятилетий XX века стал лебединой песней Культуры и Искусства. Он дал такую россыпь *высокохудожественных* произведений и великих имен подлинной высокой Культуры, которые встречались в ней, пожалуй, и как это ни парадоксально, только еще один раз — в период итальянского Возрождения, т.е. в самом начале секуляризационного процесса. Но там — за несколько столетий, а здесь в течение двух-трех десятилетий. Время и Культура спрессовались. Сегодня все эти имена на слуху: Кандинский, Малевич, Пикассо, Матисс, Шагал, Дали, Миро, Клее, Мур — только в изобразительных искусствах, немало их было в литературе, музыке, театре (вспомним Хлеб-

никова, Джойса, Шёнберга, Берга, Мейерхольда), однако изобразительные искусства как бы сконцентрировали в этот период в себе весь духовно-эстетический потенциал Культуры в момент ее последнего небывалого взлета. Стали символом этого взлета.

Особого взлета, предсмертного. Достигнув предела художественно-выразительных возможностей в своих видах искусства, великие авангардисты завершили его. После них, особенно со второй половины столетия, искусство уже практически не создает культурных и соответственно художественных ценностей, какие были присущи Culture. Начиная с поп-арта и концептуализма, неутилитарное арт-производство, занявшее место высокого Искусства, демонстративно отказалось от художественности, т.е. от своей сущности — эстетического качества. В многочисленных направлениях и проявлениях contemporary art есть все, что угодно, кроме художественности. В этом и заключается трагедия искусства *пост*-культуры, в которой оно выполняет одну главную миссию — оно *истошно кричит* (иногда достаточно выразительно, т.е. отчасти художественно) о том, что вершится какая-то умонепостижимая, но страшная для человечества своими последствиями катастрофа. Это я и назвал Апокалипсисом, используя термин в обыденном его современном значении, но имея в виду все-таки и более древний смысл, который предполагал не только катастрофу, но и какой-то глобальный переход в новое качество: Апокалипсис — как *откровение*. Откровение качественного скачка куда-то: то ли во тьму небытия, то ли на новый, более высокий уровень духовности человека.

При собирании этой Книги в единое целое я убедился, что многие ее тексты и их смыслы не очень понятны даже мне самому, что уж говорить о читателях. Пришла мысль о необходимости толкования этой книги, о неких герменевтических процедурах, которые помогли бы высветить ее смыслы. Тогда-то мне и пришла в голову идея подключить к этому делу моих высокоэрудированных во всех сферах духовно-художественной культуры друзей — Н.Б. Маньковскую и В.В. Иванова. Я пригласил их принять участие в электронной переписке по основным вопросам философии искусства, эстетического опыта, главным проблемам современной культуры. Оба с энтузиазмом приняли это предложение.

В первых письмах между теми или иными проблемами искусства я изложил свою гипотезу (переписка началась летом 2005 г., т.е. задолго до выхода в свет «Апокалипсиса») и просил друзей высказать свое отношение к ней. И вот результат — первый том *Триалого*. Гипотезу мою он, кажется, мало прояснил, хотя написано уже более 170 (!) писем. Я не до конца убедил друзей, они — меня. И

я доволен. Пусть гипотеза так и остается гипотезой. Время само проверит ее. А мы будем надеяться, что Эра Великой Духовности еще впереди. Все еще впереди! — как-то написал я сам в «Апокалипсисе».

При этом у нас получилось нечто значительно большее, чем разговор об одной, хотя и значимой гипотезе. Книга вылилась в живую философию искусства. Однако об этом, пожалуй, подробнее расскажут другие соавторы «Триалога» — Н.Б. Маньковская и В.В. Иванов, который прислал свой текст, и он будет зачитан.

В заключение В.В. Бычков прочитал два характерных поэтических фрагмента из «Художественного Апокалипсиса Культуры».

Взявшая вслед за этим слово доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор Н.Б. Маньковская затронула несколько иной пласт содержания книги, о котором не говорил первый соавтор.

Н.Б. Маньковская

Н.Б. Маньковская: Вашему вниманию предлагается не совсем обычная книга. Если говорить о жанре, то в целом это широко разветвленная, многоголосая fuga, в которой отдельные голоса и мелодические линии то далеко расходятся, то сходятся, то контрапунктно противостоят, то вторят друг другу в разных регистрах. В результате получилась живая по форме работа по философии искусства, в которой обсуждаются самые актуальные на сегодня эстетические и искусствоведческие проблемы и темы. Среди них — место эстетики в современном мире и ее предмет, сущность эстетического опыта и его роль в жизни человека,

смысл искусства в его классическом и современном понимании, соотношение классики, неклассики и постнеклассического эстетического сознания, высокое искусство и арт-практики, границы искусства, место неискусства в искусстве, кризис искусства и культуры в целом и его метафизический смысл, герменевтика искусства и проблемы его интерпретации, стадии и ступени эстетического восприятия, смысл художественности. Подробно и всесторонне рассматривают и такие темы, как диалектика художественной формы, эстетическая антиномика, герметизм и герменевтика искусства, избыточность и минимализм в искусстве.

В своих виртуальных беседах мы стремились возродить традиции принципиальных научных дискуссий, и книга, действительно, пронизана полемикой по наиболее острым вопросам со-

временной художественной жизни. Вот некоторые из наиболее фундаментальных: Является ли современный кризис искусства следствием техногенной цивилизации? Глобален ли он и не знаменует ли конец Культуры как носителя духовного начала? Возможны ли вообще полноценный эстетический опыт и подлинная религиозная вера в глобализирующемся мире? Каковы связи искусства и эзотерических уровней сознания? По поводу этих и многих других вопросов идет спор на материале наиболее репрезентативных художественных явлений в мировой и отечественной культуре, в сферах живописи, театра, кино, литературы, музыки, балета; дигитальных и виртуальных тенденций в актуальном арт-движении.

Что касается меня, то я рада возможности обсудить в профессиональном кругу ряд проблем, имеющих принципиальное значение для людей культуры. Я намеренно пишу последнее слово со строчной буквы не только во избежание излишнего пафоса, но и для обозначения моей позиции: художественная культура представляется мне плодоносящим деревом, возвращенным человечеством и неотделимым от его жизни. На протяжении своего развития она видоизменялась, и порой весьма радикально, ей были органически присущи кризисные, переходные периоды, один из которых мы переживаем сегодня, однако по большому счету культура является единой и целостной. В этом плане введенное в науку В.В. Бычковым понятие *пост*-культуры, подразумевающее конец духовности, смерть высокой культуры и искусства, представляется мне дискуссионным. На мой взгляд, не только в мировом масштабе, но при ограничении рамок исследования современной ситуации в США и странах Западной Европы обнаруживаются признаки перехода к новому периоду в развитии художественной культуры, а не конца культуры как таковой. Ведь реалии художественной жизни XXI в., лучшие архаусные образцы (а именно по вершинам, как известно, следует судить о тоне искусства в целом) отнюдь не внушают пессимизма. Мы немало спорили с В.В. Бычковым о том, возможно ли сегодня появление новых художественных шедевров. И один из разговоров в «Триалог» посвятили таковому — «Чемоданам Тульсы Люпера» П. Гринуэя. Если бы книга писалась сейчас, то на почетном месте в ней, несомненно, оказался бы современный шедевр — «Фауст» А. Сокурова и Ю. Арабова. Другое дело, что «выудить» произведения современного высокого искусства из масскультовского потока нелегко. Ведь произошли очевидные структурные трансформации культуры и искусства, требующие специального изучения. Я имею в виду бурное разрастание массовой культуры в ущерб не только подлинно ав-

торскому, высокому искусству, но и народной культуре, фольклору, а также процессы «шоуизации» и симулякризации всего и вся, в том числе и классики. Возможно, такой перекося и создает впечатление преобладания негативных и даже губительных тенденций.

Не вижу я признаков конца культуры и в сверттехнологичности современных виртуальных экспериментов. Как известно, фотография, кинематограф и другие экранные искусства – также результаты технических изобретений, однако они не выводятся за пределы культуры. Другой вопрос, какие факторы способствуют превращению аттракциона в искусство, феномен художественной культуры. Думается, как и во все времена, это – талант, развитый эстетический вкус, воображение, общая культура художника, его профессионализм. Все зависит от того, как используется инновационный технический потенциал – в качестве трюка, ради эпатажа, рекламы или в собственно творческих, художественных целях. Технических новшеств не стоит бояться — о непродуктивности сопротивления им свидетельствует хотя бы фильм «Артист».

Понятия таланта, гения, вдохновения, уникальной творческой личности отнюдь не ушли в прошлое. Многолетний опыт педагогической работы с творческой молодежью во ВГИКе убеждает меня в том, что они востребованы новыми поколениями людей культуры, осознающих себя именно художниками. Стремление к инновациям сочетается у них с пиететом к классике (последней нередко отдается предпочтение), трепетным отношением к профессии. Их творческий потенциал, острое чувство прекрасного, повышенный интерес к метафизическим проблемам позволяют надеяться на нормальное развитие художественной жизни. Именно вгиковский опыт питает мой сдержанный оптимизм в отношении будущего культуры. Подлинное искусство, по-моему, является продолжением, духовным обогащением и расширением жизни — ее чрезвычайно важной, необходимой частью.

Различия в глобальном видении художественно-эстетической ситуации и перспектив ее развития, во многом связанные с особенностями оптики, не отменяют совпадений наших с В.В. Бычковым оценок характера современных арт-практик, неклассического эстетического сознания в целом, основанных на общности художественных вкусов. Мне близка идея Бычкова о том, что одна из потенциальных линий развития в теоретической сфере связана с постнеклассической эстетикой, синтезирующей опыт классики и неклассики.

После этого был зачитан текст третьего автора — искусствовед, профессора, протоиерея В.В. Иванова, живущего в настоящее время в Германии.

В.В. Иванов

В.В. Иванов: Я усмотрел в *«Триалог»* возможность не только дружеского обмена мнениями о проблемах, занимающих наш ум и воображение, что само по себе достаточно ценно, но и терпеливо поэтапного формирования некой «лаборатории», в которой отрабатывается и испытывается на прочность модель новой культурной альтернативы. Такое высказывание способно насторожить взыскательный слух, воспитанный на принципах интеллектуальной честности, целомудренно воспрещающей игру с утопическими идеями. Подобная недоверчивость закономерна и оправдана, если принять во внимание удручающий своей пустынной ландшафт современных эстетически-художественных практик, оставляющих мало надежды на приближение чаемой Кандинским «эпохи великой духовности». Я разделяю такую осторожность и менее всего хотел бы, чтобы *«Триалог»* воспринимался как свидетельство об элитарной гордыне его участников, находящихся улажде-ние в игровой разработке заведомо нежизнеспособной модели. Здесь можно сослаться на многие страницы нашей переписки, в которых дается трезво реалистическая диагностика современной ситуации. Правда, участники этого виртуального консилиума не всегда совпадают в своих прогнозах, но едины в признании апокалиптического характера заболевания.

Лично для меня упадок европейской культуры, переходящей, согласно Шпенглеру, в мертвящую фазу цивилизации, никогда не служил поводом для окончательного вынесения летального прогноза, прежде всего в силу уверенности в многоэтажности и многомерности самого культурного процесса, имеющего не только горизонтальное, но и вертикальное измерение, вхождение в которое возводит к миру архетипов или, используя выражение Лосева, к миру идей, понимаемых как духовно порождающие структуры или модели. Византийские теологи в таком случае предпочитали говорить о идео-волениях (парадигмах). Существование такого вертикального измерения вносит существенные коррективы в наше понимание ритмов духовного развития, выводя историю искусства за рамки ее чисто детерминистической интерпретации, в то же время отнюдь не умаляя значение морфологического анализа и метафизической диагностики.

Подтверждение такому взгляду я нахожу у Германа Гессе. В своем романе *«Игра в бисер»* он нарисовал безрадостную картину упадка европейской цивилизации в стадии так называе-

мой «фельетонной эпохи». В этом описании писатель не только диагностировал недуги своего времени, но и далеко заглянул в будущее. Тем не менее, именно в период гибели культуры и ее «кажущейся капитуляции» — согласно мудро сдержанному проществу Гессе — стали возникать «отдельные небольшие группы, полные решимости хранить верность Духу и изо всех сил оберегать в эти годы ядро доброй традиции, дисциплины, методичности и интеллектуальной добросовестности». Постепенно усилия этих маленьких групп привели к созданию Касталии, идеального места для хранения культурных традиций и воспитания научной элиты нового типа.

Я не нахожу в касталийском проекте ничего утопического. В его основе лежит вечный архетип, конституирующий различные формы совместной духовной жизни, безразлично, идет ли речь о монашеских орденах Средневековья, платоновской академии Марсилио Фичино, розенкрейцерах XVIII века, прерафаэлитам или мечтах ван Гога о братстве художников. Гессе просто придал завершенность таким устремлениям в идеальном образе Касталии.

Разумеется, никто из участников «Триалого», приступая к более или менее регулярной переписке, и не помышлял способствовать тем самым осуществлению касталийского идеала. Не было ни программы, ни сформулированных целей такого рода. Но постепенно я стал замечать, что, как бы само собой, этот идеал приобрел для нас (мне так, по крайней мере, кажется) характер инспирирующей силы, может, не всегда и не всеми отчетливо сознаваемой. Создание Педагогической провинции в современных условиях совершенно нереально, но вполне представимо, что небольшие группы дружески настроенных ученых будут стараться «оберегать ядро доброй традиции». Как показало время, участники «Триалого», не сговариваясь, соблюли это условие и остались верными касталийскому духу.

Затем своими впечатлениями и мнениями о «Триалого» поделились ознакомившиеся с книгой преподаватели ВГИКа: кандидат искусствоведения, доцент кафедры кинодраматургии Н.Е. Мариевская; кандидат искусствоведения, доцент кафедры киноведения Д.А. Салынский; доктор философских наук, профессор Г.К. Пондопуло; кандидат филологических наук, доцент Л.М. Ельницкая; доктор филологических наук, профессор В.И. Мильдон; кандидат искусствоведения, начальник отдела научного развития А.М. Буров.

Н.Е. Мариевская

Н.Е. Мариевская: Сама по себе книга «Триалог» выглядит живой зеленой почкой на дереве современной культуры. И вот это ощущение живого и открытого вселяет оптимизм. Такое парадоксальное воздействие на читателя книги, посвященной Апокалипсису культуры, на мой взгляд, объясняется ее особой формой, ее драматургией. Читатель оказывается в благоухающем саду расходящихся тропок. Кажется весьма содержательной метафора дерева, предложенная собеседниками для представления культуры. В самом деле, если мы находимся внутри кроны, мы видим пересечение веток, некую сеть, которая напоминает концепты, предложенные постмодернизмом: сеть, ризома, корневище. Но стоит чуть отодвинуться, и мы видим шумящую крону, слышим шелест полной жизни листвы. Но если еще отстраниться, расширить границы пространства и времени, то мы увидим ствол и крону. Потребуется духовное усилие, чтобы узреть, что вся вертикаль дерева устремлена к солнцу, к абсолюту.

Авторам удалось создать художественную структуру, которая, с одной стороны, укладывается в привычную форму печатной книги, а с другой — разрывает эту самую форму, настойчиво требуя для реализации современных технологий. Очевидно, эта структура может быть интерактивной, предполагающей ту или иную степень интенсивности участия читателя (или тут уже слово «читатель» выглядит неуместно архаичным?) в разворачивании гипертекста.

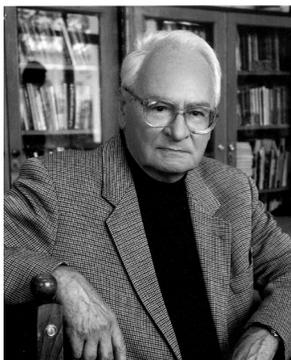

Д.А. Салынский

Д.А. Салынский: У книги есть прецеденты. Например, «Переписка из двух углов» Гершензона и Иванова 1920 г. Другая эпоха, другие исторические обстоятельства, но также люди в записках передавали друг другу свои мнения и впечатления. И «Диалоги» Платона, где возникла философия как публичное осмысление мироздания и человека. Эти прецеденты формируют понятие культуры как поступка, который состоит в обсуждении. Тут важен поведенческий, бихевиористический аспект. Бахтин говорил о таких вещах в контексте философии поступка. Когда констатируется стадия умирания культуры, почему-то сразу вспоминается, что человек — кузнец своего счастья и несчастья, спасе-

ние утопающих — дело рук самих утопающих, и что апокалипсис культуры устроен не марсианами, а людьми — лучшими представителями европейской культуры, которые блистательно грохнули

эту культуру на рубеже XIX и XX веков. Процесс ее низвержения по сути был страшен. Но вместе с тем красив, богат оттенками, и до сих пор мы живем в поле очарования этим процессом, ведь он был и сотворением новых культурных ценностей. Сейчас распадается система, связанная с наличием Великого Другого, но вместо новых ценностей создается лишь информационный шум. В этой ситуации следует думать о спасении традиционной культуры через диалог о ней, ведь рефлексия служит ее спасению. Эту книгу я рассматриваю как поступок — протягивание руки утопающему. Ход истории подобный акт, наверное, не остановит. Но сам станет частью истории.

Г.К. Пондопуло

Г.К. Пондопуло: Мне кажется, что эта книга — явление *современной* культуры, это для меня самое главное. В этой связи вспоминается определение современного человека у Поля Валери: «Человек современен в той степени, в которой он концентрирует в себе самые противоречивые идеи и в нужный момент их достает». Вот эта книга демонстрирует наглядный пример такой современности. Здесь представлены диаметрально противоположные точки зрения, при этом люди не ругаются, не обвиняют друг друга, не становятся в догматическую позу. И это очень соответствует времени. И в процессе этого обнаруживается то, что напрямую относится к тематике нашего дискуссионного клуба — *парадокс* современной культуры. Суть этого парадокса состоит в том, что культурой называется то, что не соотносимо с культурой. Это происходит не в первый раз: уже были времена, когда термин «культура» использовался для обозначения того, что не является культурой. И парадоксально то, что в обществе бесконечно много разговоров о культуре — умных, глупых, актуальных, неактуальных, но за ними отсутствует *предмет* культуры, потому что *им является человек*. На мой взгляд, в так называемой современной культуре он отсутствует. Не какой-то Великий Другой, не субъективность, а именно просто человек. Разговоры о каких-то культурных революциях — это всё досужие вещи; самое главное — гуманистическое, человеческое содержание. Вот идет разговор о традиции. А зачем она нужна? Только для гуманизации процесса. Поэтому бесконечные разговоры о традиции, о следовании ей или об отказе от нее — беспредметны. На мой взгляд, в этой книге мы видим возрождение традиции именно с этой точки зрения. Она привлекает прежде всего человеческим отношением к культуре.

В.И. Мильдон

В.И. Мильдон: Эта книга восстанавливает традицию обсуждения вопросов, имеющих самостоятельную ценность, не зависящую от потребностей текущей минуты. Речь идет об анализе форм современного эстетического сознания.

Подобных суждений долго не было, похоже, вкус к ним восстанавливается.

Стремление постичь законы формообразования, морфологию искусства было самым важным и в стремлениях эпохи конца XIX — начала XX века, — по существу, было стремлением

к индивидуализации (ибо индивид — прежде всего осознанная форма); к перемене традиционного для России пути формоборчества, по словам Ф. Степуна, писавшего: *«Сущность формы есть, в значительной степени, победа над массой»*.

Победа над массой во всех значениях слова и означает индивидуализацию, которая одна противостоит хаосу/массе.

С изучением принципов формы наша эстетическая мысль не имела дела почти сто лет, считая с первых публикаций русских морфологов (именовавшихся формалистами, причем это название с каждым годом укрепления большевистского режима приобретало все более угрожающий смысл).

И вот сейчас восстанавливается прерванная связь — в этом я вижу значение обсуждаемого труда, его обнадеживающее значение.

Во-первых, если справедливо мое мнение о возрождении некогда прерванной связи исследований формы, не все пропало для нас, как бы ни были неблагоприятны сегодняшние обстоятельства.

Во-вторых, если все же эти обстоятельства носят необратимый характер, из этого не следует, что человек должен отказаться

от человеческого в себе, т.е., в первую очередь, от поиска и утверждения истины, которая не зависит ни от географической широты, ни от политического строя, ни от количества людей, согласных с ней или нет. А ведь именно этим и заняты авторы обсуждаемого труда.

А.М. Буров: *«Триалог»* демонстрирует то, чего сегодня действительно не хватает современному научному и художественному сообществу. А именно — проговаривания научных и художественных проблем, попыток найти болевые точки, в которых происходит схождение разных подходов и создается поле смыслового напряжения.

А.М. Буров

Кроме того, «Триалог» еще раз доказывает, что эстетика является наиболее продуктивной из всех наук гуманитарного цикла для рассуждений о современном мире, более оперативно реагируя уже на начальные признаки парадигмальных изменений именно потому, что объектом эстетики является не только искусство, которое наиболее чутко выражает происходящие в мире изменения, но и — шире — чувственно-эмоциональное (духовное) восприятие действительности.

Дистанция между классической и неклассической культурой проявляется в ускорении всех процессов, включая физические, производственные, психомоторные, которые сказываются и на художественном ускорении. И главным в контексте нашего разговора является временное снятие между восприятием и воспроизведением (как в фотографии или в абстрактном экспрессионизме), между написанием письма и его прочтением (как в сети интернет). Мне кажется, последнее не говорит о конце культуры слова, но высказывается о его новом типе существования в пространстве скорости, визуальности и виртуальности. В «Триалог» как раз представлена новая вариация классического эпистолярного жанра, реализованного посредством электронных писем, мгновенно доходящих до адресата, и это, как мне кажется, прямую и метафорически отражает быструю и всегда активную ответную реакцию эстетической мысли.

Я солидарен с Надеждой Борисовной Маньковской, которая следует «сдержанному оптимизму», по поводу процессов, происходящих в современном искусстве. Мне представляется, что современная культура скорее находится в поиске, чем в стагнации, только поиск этот не радикален и не столь динамичен, как это происходило в начале XX века, но скорее валотилен и тягуч.

*С заключительным словом выступил **Б.В. Орешин**, генеральный директор издательства «Прогресс-Традиция», в котором вышла книга:*

Б.В. Орешин

Б.В. Орешин: Для нас большая радость выпустить такую книгу. В чем ее незаурядность? Если посмотреть на гуманитарное знание сегодня, то выяснится, что оно не в таком благополучном состоянии, как многие думают. И дело не только в финансах, в слабой реализации. Мне кажется, что это мировая проблема: специализация и дифференциация научного знания имеет очень тяжелые последствия, и издатели это видят, может быть, даже лучше, чем авторы. Избираются зачастую очень специализированные темы, происходит ориентация на очень узкий

круг людей, используется наукообразная «сциентистская» стилистика. И это приводит к тому, что большие проблемы исчезают из поля зрения широкой образованной публики. В нашей культуре широко распространена установка «не понимаю», «не люблю», «не знаю и не хочу знать», которая приводит к чудовищному невежеству современной, даже образованной публики в отношении современной культуры. Мы достаточно много беседуем и с нашими авторами, и с нашими читателями, чтобы констатировать: знания о ней минимальные. Почему увеличивается контраст между образованной элитой и массовым обществом? Почему расширяется пропасть между высокими ценностями и ценностями массовой культуры? Отчасти это связано и с самой наукой. Я сейчас говорю об этом потому, что «Триалог» выделяется и среди наших изданий, и среди книг вполне именитых авторов. Прежде всего, он интересен довольно широкому кругу образованного читателя. Это такая энциклопедия, своеобразная, уникальная, не классическая, а живая энциклопедия современной культуры, которая вводит в оборот важнейшие идеи и проблемы. Второй момент связан с самой манерой, с самим жанром. Конечно, диалог и переписка — не новый жанр. Но здесь мне кажется очень важным подчеркнуть то, что голоса, которые в книге очень разные, — все-таки равноправны: они преодолевают монологическую традицию, которая была присуща науке на протяжении всего Нового времени. Поэтому эта книга — знак нового в нашей культуре. Здесь пробивается, как сейчас говорят, «интегративный взгляд», который примиряет научно объективный, и вместе с тем религиозный, экзистенциальный взгляд. «Другое» здесь — не сартровский ад, а то величайшее, что помогает поднимать свое сознание на другой уровень. Так что, спасибо авторам. ■

Материал подготовлен Отделом научного развития ВГИКа

Международная научно-практическая конференция «Анимация как феномен культуры»

100-летию российской анимации посвящается Международная научно-практическая конференция «Анимация как феномен культуры», которая пройдет во ВГИКе 19–21 ноября этого года. Планируется проведение мастер-классов выдающихся российских и зарубежных аниматоров. На пленарных заседаниях конференции будут рассматриваться вопросы истории анимации, современного кинопроизводства, обучения, а также теоретические и методические аспекты режиссуры мультимедиа. Пройдут круглые столы по темам: «Мастера анимации - педагоги ВГИКа», «Язык мультимедиа. Эволюция экрана и аудиовизуального мышления».

По вопросам участия в конференции обращаться на факультет анимации и мультимедиа ВГИКа (тел.: 8 (499) 187-00-88).